

— «Пепи, Люси, Бом и остальные девушки», 1980

— «Я очень возбужден», 2013

в последнем фильме альмодовар снова стал певцом мадридской «мовиды» — праздника жизни и творчества в честь падения франкизма

— «Кожа, в которой я живу», 2011

ден». Альмодовар, то ли устав от тяжелой, хотя и карнавальной экзистенции, по пути которой шел последние лет пятнадцать, то ли удостоверившись в непрошибаемой тупости зрителей, не понимающих величия и бремени этой экзистенции, снова стал тем Альмодоваром, в которого мир некогда влюбился. То есть птенцом мадридской «мовиды» — праздника жизни и творчества в честь падения франкизма, — озорным певцом наркотических трипов и любви под маской сверхъестественного секса. Вернувшись в режиссерскую молодость, Альмодовар одновременно снова стал тем самым оператором. Весь фильм, действие которого происходит на борту аварийного самолета, не что иное, как подслушанные разговоры пассажиров. Разговоры в значительной степени телефонные, но это даже непринципиально, оператор ведь может сидеть и на облаке. Что-то тревожное в этом омоложении режиссера, впрочем, чудится. Словно поклонники так долго упрасивали его сплясать, как бывало, на столе, что попросились на серьезное фламенко с выходом. Поклонники должны быть в экстазе. Но проблема Альмодовара заключается как раз в том, что поклонники ему уже давно не нужны, если не в тягость. Во всех его ранних — до середины 1990-х годов — фильмах обязательно присутствовала фигура «кумира», пусть пародийного, нелепого, случайного или

вышедшего в тираж, но сохранившего круг поклонников. Все эти «кумиры» так или иначе альтер эго режиссера. Потом «кумиры» исчезли, и появилась фигура «творца» — скажем, писателя. И это тоже было альтер эго Альмодовара, но уже другого. А поклонники все требовали от него романсеро о монахинях — лесбиянках и кокаиинистках.

До того как стать великим режиссером, Годар написал роман — точнее говоря, слава богу, не написал, благоразумно остановившись на тысячной странице первой главы. Двенадцатилетний Ален Рене, получив в подарок кинокамеру, снял «Фантомаса». Феллини рисовал на улице мгновенные шаржи и стал отменным бегуном, спасаясь от заказчиков этих шаржей. Японский классик Кодзи Вакамацу работал якудзой в веселом токийском квартале. От этого раннего периода их творчества до нас, увы, ничего не дошло. Но многообразие творческой активности Альмодовара, до того как он стал «тем самым» Альмодоваром, затмевает все опыты его старших братьев по ремеслу.

Вот, скажем, Агустин, брат Альмодовара, хранит тетрадь с рисунками десятилетнего Педро: учитель задал проиллюстрировать франкистскую доктрину государства: Семья, Родина, Религия — ну-ну. Вот бы хоть глазком одним взглянуть, как не по годам развитой — «окружающие глядели на меня без особого одобрения, хотя я тогда был еще совсем ребенком, и осуждать меня им тоже вроде было не за что» — мальчик все это воплотил. Роман же о ягненке Инмакуладо, к которому Педро приступил в то же время, увы, утерян.

Или еще: Альмодовар сердечно задружился с Кармен Маурой, в результате чего та стала продюсером его официального дебюта «Пепи, Люси, Бом и остальные девушки», играя с ней в одном спектакле по пьесе Жан-Поля Сартра «Грязные руки». Играл же он Луи, тугоплавкого коммуниста, который большую часть действия, находясь за сценой, готовится убить партийного соратника Юго, который, в свою очередь, убил по партийной разнарядке заслуженного товарища Эдерера, чьим секретарем работал, совсем как испанец Рамон Меркадер у Льва Троцкого. Экзистенциальная засада заключалась в том, что убил он его на самом деле из ревности.

Разве это не готовая коллизия для Альмодовара, в хоровод персонажей которого непринужденно и скромно вступают то баскские террористы, то простые серийные убийцы. В 1948 году, когда Сартр написал с мучительным чувством исполненного гражданского долга «Грязные руки», пьеса вызвала огромную общественную свару: что называется, «общество раскололось». Но стоит подумать о том, что роль Луи однажды, много лет спустя, исполнит Альмодовар, как все эти экзистенциально-коминтерновские страсти мгновенно покажутся чистым анекдотом.

Что же касается первого полнометражного фильма, который «Альмодовар до Альмодовара» снял на восьмимиллиметровую пленку, то невозможность его увидеть не слишком печалит. Достаточно того, что известно его — программное для всего творчества Альмодовара — название: «Ну трахни же меня, Тим!». Великое дело, однако, дать правильное имя своему первому «ребенку».